

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Петров Сергей Валерьевич

Кандидат филологических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)
SeVPetrov@fa.ru

THE INNER FORM OF THE WORD AS A REFLECTION OF THE LINGUISTIC WORLDVIEW

S. Petrov

Summary: The paper focuses on the study of the inner form of the word as a tool for analyzing the linguistic worldview, within which the linguacultural concepts are viewed as a cultural and mental construct shaped by historical and cultural context. Much attention is given to the method of etymological analysis, which allows the reconstruction of the inner form of the word, through which the linguistic worldview is reflected. Examples from Russian, English, Spanish, and French illustrate differences in the perception of key notions, such as «work», revealing the ethnic specifics in conceptualizing reality. The study emphasizes the significance of the inner form of the word as a reflection of cognitive and cultural processes, linking it to the historical and ethnographic roots of a nation.

Keywords: linguoculturology, linguistic worldview, linguacultural concept, inner form of the word, etymology.

Аннотация: Статья посвящена исследованию внутренней формы слова как инструмента анализа языковой картины мира, в рамках которой концепт рассматривается как культурно-ментальное образование, формирующееся на основе историко-культурного контекста. Особое внимание уделяется такому методу изучения концептов, как этимологический анализ, позволяющий восстановить внутреннюю форму слова, сквозь призму которой отражается языковая картина мира. Примеры из русского, английского, испанского и французского языков демонстрируют различия в восприятии ключевых понятий, таких как «работа», что раскрывает этнические особенности концептуализации действительности. Анализ концепта «работа» демонстрирует значимость внутренней формы слова как отражения когнитивных и культурных процессов, её связь с историческими и этнографическими корнями народа.

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая картина мира, концепт, внутренняя форма слова, этимология.

Исследование языковой картины мира представляет собой важное направление современной лингвистики, которое позволяет понять, как через язык формируются и отражаются уникальные представления о мире, свойственные тому или иному народу. Центральным элементом языковой картины мира является концепт, который выступает в качестве связующего звена между языком, культурой и мышлением. Концепты фиксируют ценностные и культурные приоритеты народа, определяя его восприятие окружающей действительности.

Целью настоящей статьи является обоснование роли анализа внутренней формы слова в формировании и интерпретации культурно-ментальных концептов, а также выявление этнической специфики концептуализации ключевых понятий через этимологический анализ.

В соответствии с данной целью задачами работы являются:

1. Выделить внутреннюю форму слова как ключевой элемент концептуализации и определить её значение в когнитивных и культурных процессах.
2. Исследовать этимологию слов в разных языках (русском, английском, испанском, французском) для демонстрации различий в восприятии ключевых концептов.

3. Выявить лингвистические и экстралингвистические факторы, влияющие на формирование внутренней формы слова.
4. Подчеркнуть значимость анализа внутренней формы слова для понимания механизмов мышления и восприятия в разных культурах.

Актуальность статьи обусловлена важностью исследования языковой картины мира как средства отражения культурных, этнических и исторических особенностей народа. В условиях глобализации и межкультурного взаимодействия становится всё более значимым понимание механизмов концептуализации реальности в различных языках. Изучение внутренней формы слова позволяет выявить скрытые когнитивные и культурные коды, которые формируют уникальное мировосприятие каждого этноса. Это способствует углублению межкультурного диалога и обогащению лингвистической науки, чем обусловлены теоретическая и практическая значимость настоящего исследования.

Как известно, одним из основных способов репрезентации языковой картины мира в рамках лингвокультурологии является описание концептосферы, когда то или иное понятие интерпретируется через определенные концепты: любовь, дружба, труд, счастье и т.д.

Концепты тем самым выступают как единицы языковой картины мира (ЯКМ), отражающие систему знаний, представлений, ценностей того или иного народа. Существует различные научные подходы к изучению как ЯКМ, так и концепта. В результате мы имеем большое количество определений данных понятий. Остановимся на наиболее релевантных из них, с нашей точки зрения.

Термин «концепт» был введён в научный обиход в отечественной лингвистике С.А. Аскольдовым в статье «Слово и концепт» (1928). В дальнейшем понятие «концепт» получило развитие в трудах Д.С. Лихачёва, Ю.С. Степанова, Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, В.И. Карасика, Г.В. Токарева и других исследователей. Само слово «концепт» - латинского происхождения, от латинского причастия прошедшего времени *conceptus* глагола *concipere* 'зачинать, задумывать', т.е. «концепт» — это буквально некое начало, некий замысел. Ю.С. Степанов определяет концепт как культурно-ментальное образование, как сгусток культуры в человеческом сознании [11, с. 14]. Н.Д. Арутюнова понимает концепты как культурно значимые и ценностные понятия обыденного сознания [1]. В.И. Карасик, помимо ценностного, выделяет в структуре концепта образный и понятийный компоненты [4].

Таким образом, концепты представляют собой культурно-ментальные единицы, формирующие языковую картину мира, в которой находят отражение в первую очередь ценностные представления народа об окружающей действительности. По определению А. Вежбицкой, «Языковая картина мира – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [3, с. 35]. «Способ концептуализации действительности» имеет этнически обусловленный характер, иначе говоря, каждый этнос обладает своей уникальной и неповторимой ЯКМ [7, с. 476]. Исследование концептов требует методологического подхода. Один из традиционных методов — анализ паремий: устойчивых фразеологических единиц, таких как пословицы и поговорки. Например, для описания концепта «дружба» в русском языке используется ряд пословиц и поговорок: «Старый друг лучше новых двух», «Друг познаётся в беде», «Не имей сто рублей, а имей сто друзей» и др. Эти выражения указывают на приоритет старых дружеских связей и важность испытания дружбы в трудных обстоятельствах в русской ЯКМ. Добавление аналогичных примеров из других культур позволяет глубже понять универсальность или, напротив, специфику восприятия дружбы в различных этносах. Так, в английской ЯКМ выражение «A friend in need is a friend indeed» перекликается с русским «Друг познаётся в беде», подчёркивая важность поддержки в сложных ситуациях.

Анализ фразеологизмов является, безусловно, эф-

фективным, но не единственным методом исследования концептов. Не менее важным является этимологический анализ и изучение внутренней формы слова. На это указывает, в частности, В.И. Карасик, который выделяет в структуре концепта как многомерного смыслового образования понятийную основу, внутреннюю форму, дистрибутивные свойства, валентностные связи, культурологические свойства [4, с. 29]. Ю.С. Степанов, говоря о структуре концепта, отмечает, «что в структуру концепта входит всё, что делает его фактом культуры, - исходная форма (этимология), сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д. [11, с. 41]. М.В. Пименова, выстраивая алгоритм исследования концептов, предлагает начинать его с изучения лексического значения и внутренней формы слова. [6, с. 18]. Этимология, изучение внутренней формы слова, оказываются, таким образом, важными этапами исследования концептов. Более того, исследование концепта целесообразно начинать с анализа именно внутренней формы слова.

Термин «внутренняя форма слова» был введён в научный обиход в 19 в. А.А. Потебнёй и представляет собой перевод с немецкого языка термина К.В. фон Гумбольдта «*innere Sprachform*» 'внутренняя форма языка'. А.А. Потебня считал, что внутренняя форма — это ближайшее этимологическое значение слова, при помощи которого выражается содержание. [9, с. 86]. В Большой российской энциклопедии внутренняя форма слова определяется как «осознаваемая говорящими мотивированность значения слова (или словосочетания) данного языка значением составляющих его элементов (соответственно морфем или слов), т. е. образ или идея, положенные в основу номинации и задающие определённый способ построения заключённого в данной языковой единице концепта» [2], или, по мысли Ю.С. Маслова, «сохраняющийся в слове отпечаток того движения мысли, которое имело место в момент возникновения слова» [5, с. 138]. Внутренняя форма слова включает представление, наглядно-чувственный образ, ситуацию и т.п., обусловленные смыслами составляющих морфем, так или иначе связанными с лексическим значением этого слова. [10, с. 89]. Следовательно, этимологический анализ устанавливает в рамках исследования концептов связь имени с его денотатом. В качестве денотата может выступать как отдельное понятие, так и целая ситуация действительности, которая может обозначаться термином «денотативная ситуация». Тем самым денотативная ситуация может соотноситься с понятием «концепт» [8]. Формально денотативная ситуация выражается в языке в виде пропозиции. Примером денотативной ситуации как концепта может послужить уже упоминавшийся глагол «работать», который в русском языке передаёт денотативную ситуацию «быть в неволе, нести бремя».

Итак, внутренняя форма слова фиксирует тот признак, который был значим при его образовании. Например, слово «бездна» образовано от словосочетания «без дна», иначе говоря, в русской ЯКМ бездна — это то, что не имеет дна. В основу образования этого слова, таким образом, был положен признак - «то, что не имеет дна». Аналогичным образом, по одной из версий, было образовано слово «подушка» - буквально то, что кладут под ушко/ухо. Необходимо подчеркнуть, что в разных языках при образовании слов семантические доминанты будут отличаться. Так, английское слово *window* 'окно' происходит от слова *wind* 'ветер', равным образом как испанское слово *ventana* 'окно' так же восходит к слову «ветер» - *viento*. Таким образом, для носителей этих языков окно – это то, откуда дует ветер. Именно этот признак положен в основу при образовании слова «окно» в этих языках. Для сравнения русское слово «окно» восходит к древнерусскому слову «око» 'глаз', что свидетельствует о том, что в русской ЯКМ окно – это прежде всего то, куда смотрят. Ещё один пример подобного рода расхождения в содержании концептов в разных языках связан с концептом «работа». Безусловно, при исследовании этого концепта можно опираться, как уже было отмечено, на паремии. Так, в русском языке немало пословиц и поговорок о работе: «Кто не работает, то не ест»; «Работа не волк, в лес не убежит» и др., в английском - *Many hands make light work; If a job is worth doing, it's worth doing well*. Однако, на наш взгляд, на этот концепт проливает свет в первую очередь этимология слова «работа», а именно: тот факт, что в русском языке слова «работа» и «раб» являются исторически однокоренными, что указывает на то, что в русской ЯКМ работа в определенной степени является синонимом неволи, рабства. Устраиваясь на работу, человек в некотором смысле возлагает на себя своего рода бремя, ношу. В этой связи показательно происхождение слова «увольняться», которое выступает здесь своего рода антонимом к понятию «работать»: увольняться – от слова «воля», т.е. буквально 'выходить на волю'. Следовательно, в русской ЯКМ «работать» коррелирует с семантическими компонентами 'быть в неволе', 'быть рабом', а увольняться – с семами 'освобождаться от рабства, бремени, выходить на свободу'. Подобные коннотации отсутствуют у слов «работать», «увольняться» в английском языке. Английское слово *work* восходит к древнеанглийскому «*weork*» 'производство, процесс совершения действия', а «увольняться» по-английски всего лишь «оставлять / покидать работу» - *to quite job*. Вместе с тем весьма любопытно, что семантическое поле испанского глагола *trabajar* и французского *travailler* пересекается с русским глаголом «работать». *Trabajar* и *travailler* происходят от латинского, а точнее – народно-латинского глагола *tripaliäre* 'мучить, пытаться, наказывать', который в свою очередь был образован от латинского существительного *tripalium* 'инструмент для пыток, состоящий из трёх палок', т.е. *tripaliäre* первоначально буквально значило 'пытать тремя палками'. Тем самым

общим для упомянутых романских глаголов и русского глагола «работать» является семантический компонент, который можно определить как 'подневольный труд, подневольное выполнение некоего действия' и даже работа как 'пытка и наказание'. В то же время испанское выражение *renunciar a un trabajo* 'уволиться с работы' не несёт в себе семы избавления, освобождения, имплицитной в русском глаголе «увольняться». Испанское выражение *renunciar a un trabajo*, равно как его французский эквивалент *démissionner* и английский *to resign, to quit job*, всего-навсего обозначают 'добровольное оставление рабочих обязанностей, добровольный отказ от работы'. Таким образом, на основании анализа внутренней формы слова «работа» в русском, английском, французском, испанском языках можно сделать вывод о том, что в русской и романской культурах труд нередко воспринимался как тяжёлая обязанность, бремя, тогда как в англосаксонской традиции в понятии «работа» акцентируются продуктивность, процесс или достижение.

Внутренняя форма слова нередко связана с метафоричностью, образностью, когда на основе прямого значения слова по аналогии возникает переносное. Так, у слова «свет» в русском языке есть переносное значение «истина», которое реализуется, в частности, в устойчивом словосочетании «пролить свет на что-либо», т.е. «делать что-либо более ясным, понятным»: пролить свет на события, ситуацию и т.п. Примечательно, что подобное метафорическое значение есть у слова «свет» в английском и испанском языках, где русскому выражению «пролить свет» соответствуют эквиваленты: *shed light* – в английском, *arrojar luz* – в испанском. Ещё один пример – слово «ключ», которое имеет переносное значение 'средство понимания или достижения чего-либо', которое присутствует и у английского слова *key*, и у французского *clé*, и у испанского *llave*: *key to success, clé du succès, llave del éxito* – «ключ к успеху». При этом предложное управление слова «ключ», как явствует из данных примеров, отличается от языка к языку. Тем не менее следует отметить, что зачастую метафорические значения слов в разных языках не совпадают. Например, испанское слово *clavo* 'гвоздь' имеет среди прочего значение 'проблема, навязчивая мысль': *tiene un clavo en la cabeza* – букв. «У него гвоздь в голове сидит», т.е. у него есть некая проблема, которая ему не даёт покоя, о которой он постоянно думает. Такого значения у слова «гвоздь» нет в русском языке. В то же время у испанского слова «гвоздь» нет значения «яркая, сенсационная часть какого-либо события или явления», которое представлено в семантической структуре этого слова в русском языке (гвоздь программы, гвоздь сезона). Так же обстоит дело со словом «изюминка» в значении 'приятная особенность чего-л., кого-л.' (изюминка концерта, человек с изюминкой), которое отсутствует в других языках.

Важным аспектом изучения внутренней формы слова

является её изменение с течением времени. В процессе языковой эволюции слова могут утрачивать первоначальный смысл или изменять свою этимологическую основу, что связано с изменениями в культурном и социальном контексте.

Например, слово «порог» в русском языке когда-то использовалось исключительно для обозначения части дома, однако со временем оно приобрело более широкое метафорическое значение, связанное с переходом, границей («перейти порог» как символическое начало чего-то нового). В английском языке схожий процесс можно увидеть на примере слова «threshold», которое изначально означало деревянную планку на входе, но сейчас также используется для обозначения границы возможностей («rain threshold» — порог боли). Эти изменения показывают, как внутренняя форма слова реагирует на изменения восприятия и культурных потребностей общества. Изучение таких трансформаций помогает глубже понять историческое развитие ЯКМ и её динамическую природу.

Анализ внутренней формы слова, которая, как было отмечено выше, репрезентирует ЯКМ народа, порождает закономерный вопрос о том, почему тот или иной признак становится доминирующим в процессе образования слова, почему, к примеру, русский, испанский и французский глаголы «работать» ассоциированы с темой рабства, а в английском глаголе *work* подобная отрицательная коннотация отсутствует. Очевидно, при ответе на этот вопрос следует учитывать культурно-историческую ситуацию, при которой происходило формирование слова. Помимо этого, немаловажная роль в этом процессе отводится такому фактору, как система распределения внимания, т.е. «то, ЧТО носители разных языков выделяют в окружающей действительности и КАК её описывают, исходя из их ЯКМ, иными словами, какие грани действительности попадают в их поле зрения и какие акценты они при этом расставляют» [7, с. 477], иначе говоря, что находится в фокусе их внимания, а что – на периферии. При этом распределение внимания при описании реалий обладает национальной спецификой: в одних культурах в фокусе внимания оказывается один признак (работа как неволя – в русской ЯКМ), в других этот признак

нерелевантен, и на первый план выступает какой-то другой аспект или характерная черта окружающего мира (работа как процесс производства, как полезная деятельность – в английской ЯКМ), что в свою очередь определяется более широким контекстом, в который вписаны исторические, географические, культурные и ряд других особенностей, определивших становление и развитие того или иного этноса. Таким образом, внутренняя форма слова представляет собой сложный механизм, который тесно связан с историко-культурными процессами. Например, сравнение слов, обозначающих понятие «время», может проиллюстрировать различия в восприятии и концептуализации времени различными культурами. В русском языке слово «время» этимологически связано с корнем, обозначающим «оборот» или «круг», что отражает циклическое восприятие времени. В английском языке слово *time* связано с понятием отсчёта и измерения, в котором подчёркивается линейность и чёткая структура времени, свойственные англоязычной культуре.

Итак, исследование внутренней формы слова обнаруживает её значимость как инструмента анализа культурных и когнитивных процессов. Через внутреннюю форму слова язык фиксирует уникальное видение мира, свойственное конкретной культуре, сохраняя связи с историческими и этнографическими корнями. Это отражение языковой картины мира способствует углублению понимания механизмов мышления, восприятия и передачи знаний. В этой связи внутренняя форма слова является своего рода кодом, в котором записано особое восприятие и осмысление объектов и явлений, присущие разным этносам. Тем самым исследование ЯКМ и связанных с ЯКМ концептов целесообразно начинать с анализа внутренней формы того слова, которое наиболее полно отражает тот или иной концепт. Анализ внутренней формы слова неразрывно связан с этимологией. Восходящие к этимологии смыслы слов способны приоткрыть завесу над историческими корнями культурного опыта. Этимология помогает выявить тот признак или аспект действительности, который был расположен в фокусе внимания носителей того или иного языка в момент зарождения слова. Через эти грани действительности, отраженные в слове, просвечивает ЯКМ того или иного этноса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка: Ментальные действия: сб. статей / Под ред. Н.К. Рябцевой. М.: Наука, 1993. 176 с.
2. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: - <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/1920827>
3. Вежицкая А. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека // Вопросы языкознания. 2000. № 6. С. 33–38.
4. Карасик В.И. Языковые концепты как измерения культуры (субкатегориальный кластер темпоральности) / Концепты. Выпуск 2. Архангельск, 1997. С. 156–158.
5. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М.: Высш. школа, 1975. 327 с.
6. Пименова М. В. Методология концептуальных исследований // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. I. С. 15–19.

7. Петров С.В. Система распределения внимания как фактор репрезентации языковой картины мира при овладении иностранным языком // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 3 (100). С. 476–478.
8. Петров С.В. Денотативная ситуация как концепт художественного текста (на материале романа Ю.К. Олеши «Зависть») // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 76–1. С. 278–281.
9. Потеня А.А. Мысль и язык. 172 с.
10. Сидорова Т.А. Этнокультурный аспект внутренней формы слова // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. № 4 (11). С. 88–91.
11. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

© Петров Сергей Валерьевич (SeVPetrov@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»